Д. Смирновъ

2730
477

Ж. П. И.

БИБЛІОТЕКА ЖЕНСКАГО ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
2730
Прев. 52

Д. А. Смирновъ.

А. С. Грибоѣдовъ

Бес. в Общ. Люб. Рос. Слов.

Вып. II (1866).

177

4/8.

П. 2009

А. С. ГРИБОѢДОВЪ.

Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ (*).

Статья, появляющаяся нынѣ, составляетъ обработку только небольшой части имѣющихся у меня матеріаловъ для біографіи Грибоѣдова. Она преимущественно вызвана тѣми въ высокой степени несправедливыми извѣстіями, которыя сообщены о Грибоѣдовѣ въ декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника 1863 года*, почти что въ самомъ концѣ статьи г. Погодина *А. П. Ермоловъ. Матеріалы для его біографіи*, въ отдѣлѣ *Отзывъ и извѣстія Д. В. Давыдова.*

Для правды нѣтъ авторитетовъ. Защитить другаго отъ несправедливыхъ обвиненій, прогнать тѣнь, на него бросаемую — святая обязанность всякаго честнаго человѣка, если онъ только въ состояніи это сдѣлать. Тѣмъ,— прибавлю я,—эта обязанность становится святѣе, когда этотъ другой самъ себя защитить уже не можетъ, когда онъ лежитъ въ могилѣ; тѣмъ святѣе, если этотъ другой принадлежитъ къ числу людей, которыми гордится нація.

Кромѣ этого общаго основанія, я имѣю еще слѣдующія частныя, спеціальныя причины, по которымъ почитаю себя обязаннымъ выставить правду противъ... неправды, возведенной на Грибоѣдова. Благородный, прямой, честный Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ, ближайшій другъ Грибоѣдова, человѣкъ, котораго сестра Грибоѣдова, Марья Сергѣевна, называла не иначе, какъ *провидѣніемъ* ея брата и къ которому Грибоѣдовъ писалъ: «Въ одномъ только случаѣ возьмись за перо въ мою защиту, если я буду въ отдаленіи, или умру прежде тебя, *и кто-нибудь мой ненавистникъ вздумаетъ чернить мою душу и поступки*»,—умеръ. Я не имѣю никакой надежды на то, чтобы второй другъ Грибоѣдова сенаторъ Андрей Андреевичъ Жандръ взялся за перо, давно оставленное имъ для всякаго литературнаго дѣла. Изъ семейства Степ. Ник. никто не отвѣчалъ. Предоставляю кому угодно рѣшить: долженъ ли говорить я, когда едва ли не въ однихъ моихъ рукахъ находятся всѣ главные матеріалы для біографіи Грибоѣдова?

(*) Продолженіе статей того же автора о Грибоѣдовѣ: «А. С. Грибоѣдовъ. Черновая тетрадь Грибоѣдова», напечатанныхъ въ 4 и 5 №№ «Русскаго Слова» 1859 года.

0012E375 «РГПУ им. А.И. Герцена»

Беседы в Общ. Любит. Рос. Слов. Вып. II, Москва, 1866, отд. II

По счастливому стеченію обстоятельствъ я былъ поставленъ въ близкія отношенія ко всѣмъ лицамъ, бывшимъ къ нему близкими, начиная съ матери его — Настасьи Ѳедоровны, сестры — Марьи Сергѣевны и вдовы — Нины Александровны, писавшей ко мнѣ еще не задолго до своей смерти. Совершенно достовѣрные разсказы многихъ лицъ о Грибоѣдовѣ и его времени, мной записанные, составляютъ лучшую, драгоцѣннѣйшую часть моихъ матеріаловъ. Степ. Ник. Бѣгичевъ далъ мнѣ слово, что подлинныя къ нему письма Грибоѣдова будутъ, послѣ его смерти, принадлежать мнѣ, такъ какъ при жизни онъ не имѣлъ силъ съ ними разстаться; послѣ кончины его въ 1858 году, старшій сынъ его Никита Степановичъ, не знавшій обѣщанія отца, подарилъ эти письма Обществу Любит. Росс. Слов., что при Моск. университетѣ, которое ихъ и напечатало съ нѣкоторыми пропусками. Копіи съ нихъ были сняты мной еще въ 1857 году. Это едва ли не единственный матеріалъ о Грибоѣдовѣ, миновавшій моихъ рукъ. Небольшую, но драгоцѣнную по непреложной истинѣ фактовъ біографическую свою записку о Грибоѣдовѣ, Степ. Никит. передалъ въ полную мою собственность и въ письмѣ ко мнѣ отъ 15 іюня 1857 г. сказалъ: «я довѣряю тебѣ, если разсудишь за благо, издать приложенный очеркъ, не упоминая имени моего и выставляя только заглавныя буквы другихъ именъ... На восьмомъ десяткѣ лѣтъ я не хочу сдѣлаться извѣстнымъ только тѣмъ, что былъ искреннимъ другомъ Грибоѣдова, хотя внутренно и горжусь этимъ».

Сказавши, что главные матеріалы для біографіи такого замѣчательнаго человѣка и писателя, какъ Грибоѣдовъ, находятся едва ли не въ однихъ моихъ рукахъ, я невольно ставлю себѣ въ обязанность передъ русскимъ обществомъ — отвѣчать на вопросъ, который мнѣ могутъ сдѣлать: почему же я не напечатаю этихъ матеріаловъ? Вотъ мой отвѣтъ прямой и добросовѣстный: напечатать ихъ *всѣ* — въ настоящее время невозможно; печатать же ихъ отрывками, по частямъ, — я бы не желалъ, потому что думаю, что они могутъ получить истинный свой смыслъ и значеніе только во взаимной связи, въ общей сложности картины. Доказательствомъ тому служатъ письма, изданныя Обществомъ Люб. Росс. Слов., — они такъ и прошли, едва ли замѣченныя публикой, остались одиночнымъ, не говорящимъ, ничего не доказывающимъ фактомъ. Настоящій случай — необходимость отвѣчать на извѣстія Д. В. Давыдова, даетъ мнѣ возможность сгруппировать нѣкоторыя біографическія о Грибоѣдовѣ данныя вокругъ отдѣльнаго, извѣстнаго факта — службы его на Кавказѣ, въ Грузіи и, въ первый разъ, въ Персіи. Для того, чтобы не сдѣлать этотъ фактъ, какъ говорится, сухимъ и голымъ, пояснить многое и вообще оживить картину, я обставлю его всѣмъ тѣмъ, что поясняетъ и личный характеръ Грибоѣдова, и, сколько возможно, характеръ того общества, въ которомъ онъ жилъ.

Въ статьѣ моей не будетъ ничего полемическаго: опроверженіе Д. В. Давыдову само собой истечетъ изъ моего изложенія.

Прибавлю еще вотъ что: извѣстія мои — вѣрны и *не могутъ* быть иными, потому что, еслибы я и былъ способенъ или вздумалъ сказать какую-либо неправду, то, для обличенія меня, живъ Андрей Андр. Жандръ — поч-

тенный старецъ, вѣрно, не задумался бы вывести меня на свѣжую воду передъ публикой; живо все семейство Ст. Ник. Бѣгичева, которое, конечно, не менѣе меня слыхало отъ него о Грибоѣдовѣ.

Для ясности дѣла необходимо выписать всю, небольшую, тираду Давыдова противъ Грибоѣдова; иначе оно не совсѣмъ будетъ понятно:

«Паскевича... Ермоловъ принялъ ласково....»

...«Даровитый писатель (Грибоѣдовъ) долженъ былъ бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженной имъ въ литературномъ мірѣ. Онъ довольно долго служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ Ермоловѣ и числился одно время совѣтникомъ при нашемъ посланникѣ въ Тегеранѣ Мазаровичѣ, человѣкѣ весьма полезномъ и способномъ. По представленію Ермолова, оцѣнившаго рѣдкія способности Мазаровича, который былъ медикомъ, онъ былъ назначенъ первымъ постояннымъ посланникомъ при персидскомъ дворѣ. Грибоѣдову, незнакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онѣ возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ. Ермоловъ, разумѣвшій Грибоѣдова человѣкомъ, одареннымъ блестящими способностями, вполнѣ пріятнымъ и любезнымъ собесѣдникомъ, почиталъ его, однако, совершенно безполезнымъ для службы. Алексѣй Петровичъ, неохотно увольнявшій въ отпускъ людей полезныхъ и усердныхъ, дозволялъ Грибоѣдову отлучаться часто и на продолжительное время. Онъ, однако, очень любилъ Грибоѣдова и былъ въ полномъ смыслѣ слова его благодѣтелемъ; не говоря уже о всевозможномъ его вниманіи къ знаменитому автору *Горе отъ ума*, онъ оказалъ ему такую услугу, какую Грибоѣдовъ былъ въ правѣ ожидать лишь отъ роднаго отца. Онъ спасъ его отъ послѣдствій одного весьма важнаго дѣла, которыя могли-бы быть для Грибоѣдова крайне непріятны (*).... Увлекшись честолюбивыми побужденіями, Грибоѣдовъ, подобно многимъ лицамъ, нѣкогда облагодѣтельствованнымъ Ермоловымъ.... отплатилъ ему также за все прошлое неблагодарностію. Вытребованный въ С. Петербургъ, онъ былъ вскорѣ награжденъ чиномъ надворнаго совѣтника, получилъ довольно значительную сумму денегъ и вновь присланъ на Кавказъ, гдѣ его поведеніе не могло не возбудить во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ истиннаго удивленія и сожалѣнія.... Будучи отправленъ во второй разъ въ С.-Петербургъ для поднесенія Государю Туркманчайскаго договора, онъ сказалъ пріятелю своему С. Н. Бѣгичеву: «я вѣчный злодѣй Ермолова.» (**) Онъ говорилъ около того же времени не одному слѣдующее: «я на сей разъ не иначе возвращусь въ Грузію, какъ въ качествѣ посланника при Тегеранскомъ дворѣ». Онъ былъ произведенъ въ статскіе совѣтники и, благодаря покровительству графа Паскевича, получилъ желаемое назначеніе въ Тегеранъ, гдѣ сдѣлался жертвой своей ошибки. (***)

Читаешь—и глазамъ не вѣришь. Не вѣришь въ особенности потому, что это написалъ Денисъ Вас. Давыдовъ, человѣкъ, бывшій съ Грибоѣдовымъ въ

(*) «Все, здѣсь мной сказанное, сообщено мнѣ лицами, заслуживающими довѣрія, которыя были не только очевидцами этого событія, но принимали въ немъ весьма дѣйствительное участіе.»

(**) Мнѣ это сообщилъ братъ его, добрый и благородный зять мой, Д. Н. Бѣгичевъ.

(***) Рус. Вѣст. 1863 г. декабрь. Томъ 48, стр. 583 и 584.

такихъ близкихъ отношеніяхъ, человѣкъ, о которомъ во всѣхъ письмахъ своихъ къ Бѣгичеву Грибоѣдовъ говоритъ съ такой любовью, о которомъ— въ письмѣ изъ Екатериноград. станицы отъ 7 дек. 1825 г. — онъ прямо выразился: «Давыдовъ здѣсь (на Кавказѣ) во многомъ поправилъ бы ошибки самого Алексѣя Петровича. *Эта краска рыцарства, какою судьба оттѣнила характеръ нашего пріятеля, привязала бы къ нему Кабардинцевъ.*» (*)

Даровитый писатель Грибоѣдовъ, — начну и я, какъ Давыдовъ же,—также не могъ довольствоваться славой, столь справедливо заслуженной имъ въ литературномъ мірѣ, какъ и былъ чуждъ всякаго служебнаго честолюбія.

И слава, и служебная почесть достались ему сами собой. Ни той, ни другой онъ не добивался. Грибоѣдовъ былъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которымъ свѣтятъ въ жизни вѣчные идеалы добра, истины, изящества, идеалы, которые присущи только великой душѣ, ей одной понятны, ей одной видятся.

«Фонъ-Визинъ, характеръ котораго нуждается въ оправданіи».... сказалъ когда-то Пушкинъ о первомъ нашемъ комикѣ. Характеръ Грибоѣдова, въ отношеніи къ тому, что я сказалъ выше, нуждается только въ поясненіи.

Нельзя сказать, да и предположить нельзя, чтобы слава, которая такъ быстро досталась Грибоѣдову, вовсе не польстила его самолюбію, — это было бы противно человѣческой природѣ. Но Грибоѣдовъ, какъ почти всѣ сильно даровитые люди, совсѣмъ не очень высоко ставилъ свою комедію и ту громкую извѣстность, которую она ему доставила, — сфера, которой вполнѣ удовольствовалась бы золотая посредственность, была слишкомъ узка для такой высокой души, для широкаго размаха такого характера. Что можетъ быть на этотъ разъ яснѣе и непреложнѣе собственнаго, искренняго свидѣтельства самого Грибоѣдова? «Душа, другъ и братъ!» — писалъ онъ Бѣгичеву въ 1824 году изъ Петербурга, въ то время, когда, по его же выраженію, тамъ отъ его комедіи «грому, шуму, восхищенію, любопытству, конца нѣтъ!»—*«не могу въ эту минуту оторваться отъ побрякушекъ авторскаго самолюбія....* Ты, безцѣнный другъ мой, *насквозь знаешь твоего Александра;* подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, *мелочной задачѣ, вовсе не сообразной съ ненасытностію души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ,* къ перемѣнѣ мѣстъ и занятій, къ людямъ и *дѣламъ необыкновеннымъ.* И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что *грошевыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить?*» (**) Такъ мелка, такъ несообразна съ собственнымъ характеромъ и призваніемъ казалась Грибоѣдову эта сфера, хотя и наполненная похвалами ему, что онъ, видимо, упрекаетъ себя за пребываніе въ ней, смотритъ на себя, какъ на недостойнаго въ эту минуту думать о чемъ-нибудь высшемъ и прилежать къ нему! «Вчера» — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ (отъ 4 января 1825 г.) — «я обѣдалъ *со всею*

(*) Письма изд. Общ. Люб. Рос. Слов. стр. 35.

(**) Тамъ же, стр. 17 и 18.

сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, *отвсюду колѣнопреклоненія и виміамъ*, но вмѣстѣ съ этимъ — *сытость отъ ихъ дурачествъ*, ихъ сплетенъ, *мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ*. Не отчаявайся, другъ почтенный, *я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ.*» (*) Что прибавлять къ этому?

Грибоѣдовъ, сказалъ я, былъ чуждъ и всякаго служебнаго честолюбія. Для доказательства этого я прослѣжу почти всю его служебную дѣятельность на основаніи совершенно достовѣрныхъ фактовъ.

Непродолжительна была служба Грибоѣдова въ Брестѣ-Литовскомъ при генер. Андреѣ Семеновичѣ Кологривовомъ, къ которому онъ былъ прикомандированъ офицеромъ иркутскаго гусарскаго полка, почти что въ адъютантской должности. Въ Брестѣ познакомился и подружился онъ съ Ст. Ник. Бѣгичевымъ,— однимъ изъ адъютантовъ Кологривова. Этотъ періодъ жизни Грибоѣдова замѣчателенъ какъ почти-что непзбѣжный, необходимый фазъ въ развитіи всякой пылкой, страстной натуры, какой несомнѣнно былъ Грибоѣдовъ.

Разсказываютъ люди достойные всякаго вѣроятія, что разъ Грибоѣдовъ съ своимъ любезнымъ другомъ Степаномъ Никитичемъ во второй этажъ дома, на балъ верхами въѣхали. Въ другой разъ случилось происшествіе еще комичнѣе. Въ Брестѣ-Литовскомъ существовалъ въ ихъ время римско-католическій, кажется іезуитскій, монастырь. Надо замѣтить, что Грибоѣдовъ былъ истинно-глубокій, страстный и вмѣстѣ ученый музыкантъ. «Генералъ-басъ зналъ онъ въ совершенствѣ», говорила мнѣ сестра его, Марья Сергѣевна, которая сама была отличной, нѣкогда очень извѣстной въ Москвѣ піанисткой. Грибоѣдовъ съ Бѣгичевымъ забрались какъ-то въ монастырскую церковь еще до начала службы. Бѣгичевъ остался внизу, а Грибоѣдовъ отправился на хоры, гдѣ органъ. Ноты были раскрыты. Собрались монахи, началась служба. Гдѣ въ это время былъ органистъ, — сказать не могу, потому что не догадался спросить объ этомъ у Ст. Ник., разсказывавшаго мнѣ все это происшествіе. Можетъ быть, органистъ былъ и тутъ, да не посмѣлъ прогнать русскаго офицера, особенно же состоявшаго при такомъ важномъ въ томъ краю лицѣ, какимъ былъ Анд. Сем. Кологривовъ. Когда, по порядку службы, потребовалась музыка, Грибоѣдовъ заигралъ и игралъ долго и отлично. Вдругъ священные звуки смолкли и съ хора раздался.... нашъ родной, нашъ кровный *Камаринскій*! Можно судить какой это произвело эффектъ и какой гвалтъ произошелъ между святыми отцами. Все сошло съ рукъ.

Но, какъ ни кутилъ Грибоѣдовъ (ему тогда всего было только 20 лѣтъ),— онъ не могъ совершенно закутиться: въ природѣ его было слишкомъ много чистыхъ, свѣтлыхъ началъ, слишкомъ много хорошихъ задатковъ и стремленія къ просвѣщенному кругу, къ лучшей, умственной средѣ. Грибоѣдовъ даже не безъ сожалѣнія вспоминалъ послѣ о своемъ образѣ жизни въ иркутскомъ полку; вотъ что писалъ онъ Бѣгичеву отъ 4 сентября 1817 года изъ Петербурга: «я въ этой дружинѣ всего пробылъ 4 мѣсяца, а теперь 4-й

(*) Письма, изд. Общ. Люб. Росс. Слов. стр. 22.

годъ, какъ не могу попасть на путь истинный.» Еще изъ Бреста-Литовскаго послалъ онъ въ «Вѣстникъ Европы» двѣ статьи — одну, довольно дѣльную, «о кавалерійскихъ резервахъ» (*) и другую о праздникѣ, который дали генералу Кологривову офицеры его корпуса. (**)

Въ 1815 году Грибоѣдовъ былъ уже въ Петербургѣ и сейчасъ же вступилъ въ кругъ литераторовъ и театраловъ. Въ Брестѣ-Литовскомъ перевелъ онъ комедію «Молодые супруги» (игр. 29 сент. 1815 г.); потомъ вмѣстѣ съ А. А. Жандромъ комедію «Притворная невѣрность» (игр. въ февр. 1817 г.) и написалъ, вмѣстѣ съ кн. Шаховскимъ и Хмѣльницкимъ, нѣсколько сценъ въ комедію «Своя семья» (игр. 24 янв. 1818 г.).

И вдругъ, этотъ литераторъ и театралъ уѣзжаетъ, Богъ-вѣсть, куда,—въ Персію, секретаремъ нашей миссіи.

Но прежде я сообщу нѣсколько извѣстій о тогдашнихъ театральныхъ временахъ,—извѣстій, которыхъ скоро выслушать будетъ не отъ кого и которыми я обязанъ нѣкоторымъ почтеннымъ старожиламъ, потомъ перейду къ старой нашей журнальной полемикѣ, касающейся первыхъ временъ литературной дѣятельности Грибоѣдова.

Вполнѣ справедливо замѣчаніе К. А. Полеваго въ его біографіи Грибоѣдова, что «столичная молодежь, каждый вечеръ засѣдая въ партерѣ, прельщается блескомъ театральныхъ успѣховъ, и, часто, на зло своей природѣ, лѣпитъ водевильчики: дѣло важное и для имени на афишкахъ и для бѣдной извѣстности въ обществѣ.» (***) Хотя театралы никогда не переводились и не переведутся, но страсть къ театру и драматической литературѣ была въ тѣ времена, о которыхъ я говорю, едва ли не сильнѣе, чѣмъ теперь. Все что могло писать—писало, отъ трагедій въ родѣ «Вѣнцеслава» (А. А. Жандръ) и «Андромахи» (П. А. Катенинъ) до прологовъ... Даже Грибоѣдовъ, по свидѣтельству біографической записки Бѣгичева, вполнѣ заплатилъ дань своему времени и хотѣлъ для открытія въ Москвѣ новаго театра, осенью 1823 года,—стало-быть уже передъ окончаніемъ своей комедіи,—написать прологъ въ двухъ актахъ, подъ названіемъ «Юность вѣщаго.» Вотъ что говоритъ объ этомъ Бѣгичевъ: «при поднятіи занавѣса юноша-рыбакъ, Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ, сначала разныя видѣнія, потомъ музъ, которыя его призываютъ и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величіи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованіи, сонъ этотъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ и на необитаемомъ острову, куда онъ отправился съ прочими рыбаками за промысломъ. Душа его получила жажду познанія чего-то высшаго, имъ невѣдомаго и онъ убѣгаетъ изъ отеческаго дома. При открытіи занавѣса во 2-мъ актѣ Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной площади... Далѣе я не помню... Пролога онъ написать не успѣлъ, а театръ открылся.»

(*) Вѣстн. Евр. 1814 г. №. XXII стр. 116 — 125.

(**) Тамъ же, т. LXXVI, стр. 229 — 238.

(***) Изд. Горе отъ ума 1839 г., стр. XIV.

Но времена эти (конецъ царствованія императора Александра I) были самыя тяжелыя и для театраловъ и для артистовъ... Театромъ управлялъ главный директоръ. Должность эту сперва занималъ Нарышкинъ, потомъ Апол. Александр. Майковъ. Кромѣ главнаго директора при театрѣ состоялъ особый комитетъ изъ четырехъ членовъ подъ главнымъ начальствомъ самого генералъ-губернатора (Милорадовича). Князь Шаховской былъ однимъ членомъ комитета и назывался «членомъ по репертуарной части,» не мѣшался ни въ какія другія, напр. въ хозяйственную, для которой былъ особый членъ, но управлялъ, ворочалъ всѣмъ театромъ. Тогда—Боже избави позволить себѣ какую-нибудь вольность въ театрѣ, особенно въ отношеніи къ актрисамъ, которыя всѣ имѣли «покровителей.» Извѣстный Каратыгинъ (Василій) сидѣлъ въ крѣпости будто бы за грубость противъ Майкова: онъ не всталъ, когда Майковъ проходилъ мимо и сколько ни увѣрялъ, что просто не видалъ его, не замѣтилъ,—его посадили да еще цѣлую недѣлю подсылали къ нему разныхъ лицъ узнавать и вывѣдывать кто его подучалъ на это вольнодумство и не принадлежитъ ли онъ... къ тайному обществу. Суш—въ шикалъ одной актрисѣ; его взяли и посадили въ крѣпость; пробылъ онъ тамъ не долго, всего три дня, но все-таки «сидѣлъ въ крѣпости.» Катенина, тоже за шиканье въ театрѣ, преспокойно выслали вонъ изъ Петербурга, безъ права въѣзда, и сдѣлалъ это Милорадовичъ, одинъ, самъ собой, безъ всякаго Высочайшаго повелѣнія. Государь уже послѣ утвердилъ это распоряженіе генералъ-губернатора. И высидѣлъ Катенинъ у себя въ деревнѣ довольно долго, пока, наконецъ, совершенно случайно, Государь не проѣхалъ черезъ эту деревню, не простилъ его и не разрѣшилъ ему въѣзда въ столицу. (*) За всѣмъ, что касалось театра, наблюдали, подглядывали, все подслушивали... При театрѣ былъ даже явный, официальный фискалъ, шпіонъ, — онъ назывался *Реквизиторъ*. Должность его, состоявшая въ томъ, чтобы подслушивать что говорилось между актерами и даже между писателями, піэсы которыхъ ставились на сцену, была опредѣлена прямо по штату! Всѣ эти строгости кончились со вступленіемъ на престолъ Императора Николая Павловича,но до того времени такъ всѣмъ приходилось жутко, что нѣкоторые литераторы, особенно изъ людей молодыхъ, пылкихъ, которые не смолчали бы, еслибы дирекція стала выставлять какую-нибудь бездарность на счетъ человѣка даровитаго и тѣмъ непремѣнно нажили бы себѣ хлопотъ, — перестали посѣщать театръ.

Но Грибоѣдову было, что называется, «горя мало».

Здѣсь нельзя не вспомнить одной строфы изъ посланія къ нему Кюхельбеккера:

Но ты, ты возлетишь надъ пѣснями толпы!
Пѣвецъ! Тебѣ даны рукой судьбы
Душа живая, пламень чувства,
Веселье свѣтлое и тихая любовь

(*) Къ Катенину писалъ Грибоѣдовъ большое дружеское письмо, помѣщенное въ изданіи г. Серчевскаго, стр. 43 — 47. — О Катенинѣ одинъ изъ старожиловъ, лично знавшихъ его, говорилъ мнѣ: «это была самая огневая и взбалмошная натура, но поэтъ въ душѣ и отличный чтецъ.»

Высокаго искусства
И рѣзво-скачущая кровь (*).

Пошмыгать между актрисами, присутствовать при высаживаніи ихъ изъ каретъ, тутъ-то всего легче и можно было нажить себѣ хлопотъ, пробраться за кулисы, — было первымъ его удовольствіемъ, его наслажденіемъ. И эта *рѣзво-скачущая кровь* непремѣнно довела бы Грибоѣдова до какой-нибудь исторіи и до крѣпости, если бы его не блюлъ его истинный геній-хранитель, превосходнѣйшій, добрѣйшій, образованнѣйшій юноша, князь Александръ Одоевскій (**). Это былъ рѣдкій человѣкъ, о которомъ до сихъ поръ всѣ, кто ни зналъ его, вспоминаютъ съ самымъ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ,—21 года, мужчина молодецъ, красавецъ, нравственный, прекраснѣйшаго, мягкаго характера.... Онъ никогда не оставлялъ Грибоѣдова одного въ театрѣ, и просто не отходилъ отъ него, какъ нянька, и часто утаскивалъ его отъ заманчиваго подъѣзда, силой, за руку. Изъ театра они почти всегда пріѣзжали прямо къ одной почтенной дамѣ, Варв. Сем. Миклашевичевой, родственницѣ А. А. Жандра, любившей ихъ обоихъ, какъ сыновей, и Грибоѣдовъ почти всегда говорилъ: «ну, Александръ, развязывай мѣшокъ, разсказывай!», потому что почти всегда было что-нибудь забавное.

Душою, центромъ всего театральнаго міра,—артистовъ, драматическихъ писателей и собственно театраловъ, былъ князь А. А. Шаховской, по преимуществу важный, какъ мы уже сказали, членъ дирекціи и самъ драматургъ-комикъ. О пріятныхъ вечерахъ его люди того времени вспоминаютъ съ невыразимымъ удовольствіемъ. «Всѣ мы очень любили театръ»—пишетъ Вѣгичевъ въ своей біографической запискѣ о Грибоѣдовѣ, — «часто его по сѣщали и оканчивали вечеръ у князя Шаховскаго.... Хозяинъ былъ очень любезенъ, всегда веселъ и разговоръ его о всѣхъ предметахъ былъ занимателенъ и разнообразенъ. Но всего болѣе любилъ онъ говорить о литературѣ. Въ домѣ его встрѣчались разнообразныя и разнохарактерныя лица. Тутъ можно было видѣть и литератора, и артиста, и даровитаго актера, и шалуна-офицера,

---

(*) Посланіе это написано въ 1821 году, въ Тифлисѣ, и напечатано въ Москов. Телеграфѣ 1825 г. янв. № 2, стр. 118 и 119.

(**) Впослѣдствіи погибшій по происшествіямъ 14 декабря 1825 г. Воспоминанію о немъ посвящено небольшое все проникнутое чувствомъ стихотвореніе Грибоѣдова, подписанное въ черновой его тетради буквами А. О.

Я дружбу пѣлъ.... когда струнамъ касался,
Твой геній надъ главой моей парилъ....

Оно напечатано во 2-й статьѣ моей о «Черновой» Грибоѣдова стр. 86. Къ этому-то князю Алек. Одоевскому, уже сосланному, Грибоѣдовъ писалъ изъ Петербурга (вѣроятно въ 1826 г.) и послалъ ему книгъ. Письмо это появилось въ первый разъ въ Москвитянинѣ 1856 г., т. III. стр. 324. Памяти Одоевскаго Лермонтовъ впослѣдствіи посвятилъ это прелестное стихотвореніе:

«Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно»....

а иногда и ученаго академика». Въ самомъ дѣлѣ у Шаховскаго собиралось все, что̀ на ту пору было въ Петербургѣ умнаго, свѣжаго, живаго. На этихъ вечерахъ первенствовала Катерина Ивановна Ежова, комическая актриса, подруга князя, державшая своего любовника и начальника (общій каламбуръ того времени) въ *ежовыхъ* рукавицахъ».

Грибоѣдовъ, по крайней мѣрѣ по наружности, былъ съ Шаховскимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и часто посѣщалъ его; когда же, по своему живому, склонному къ шуткѣ, часто переходившему въ меткую эпиграмму, характеру ссорился съ Катериной Ивановной, то обыкновенно, по его же выраженію, *стрѣливалъ въ нее какимъ-нибудь тряпичнымъ подаркомъ* — и сейчасъ же мирился.

Грибоѣдова любили всѣ за его умъ, остроту и совершенную незлобивость и веселость. Какъ сильно умѣлъ онъ привязывать къ себѣ людей — мы увидимъ послѣ.

Теперь, отъ театральнаго міра,—самый близкій и естественный переходъ къ міру собственно-литературному.

Въ 1815 году, и въ обществѣ и въ литературѣ произошло сильное движеніе и рѣзкое раздѣленіе мнѣній изъ-за комедіи кн. Шаховскаго «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды». Я не стану здѣсь подробно описывать всей этой, для насъ уже *древней*, хотя, конечно, и любопытной, какъ фактъ нашей прошлой литературной жизни, исторіи, всей этой довольно ожесточенной войны, въ которой участіе Грибоѣдова обнаружилось только слѣдующими, посланными имъ — когда брань изъ-за «Липецкихъ водъ» уже всѣмъ надоѣла, — въ «Сынъ Отечества» стихами, немедленно же напечатанными съ юмористическими, въ духѣ того времени написанными, оговорками издателя:

ОТЪ АПОЛЛОНА.

На замѣчанье Феоъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,

Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ, и въ стихахъ
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью! (*)

Въ 1816 году Катенинъ, съ которымъ Грибоѣдовъ былъ друженъ, напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» вольный переводъ Бюргеровой баллады «Леонора» подъ названіемъ «Ольга» (**). Переводъ этотъ, со всей возможной привязчивостію, разбранилъ въ томъ же «Сынѣ Отечества» Гнѣдичъ, скрывавшійся

(*) «Сынъ Отеч. 1815 г. № XLV, стр. 266 и 267.
(**) Тамъ же, 1816 г. № XXIV, стр. 186.

подъ псевдонимомъ «Жителя Тентелевой деревни» (*). За Катенина вступился Грибоѣдовъ и напечаталъ, все въ томъ же журналѣ, антикритику, почти столько же привязчивую (**). Такова была критика стараго времени: придирка къ словамъ и грамматическимъ ошибкамъ, какъ замѣтилъ Пушкинъ, часто ей подвергавшійся (***).

Эта небольшая перебранка такъ и кончилась — ничѣмъ.

Наконецъ, въ 1817 году, задѣли въ литературѣ самого Грибоѣдова. Загоскинъ, въ то время авторъ нѣсколькихъ комедій и въ томъ числѣ «Комедіи противъ комедіи или урока волокитамъ», писанной съ исключительной цѣлью—для защиты «Липецкихъ водъ» Шаховскаго, и безъ которой исторія изъ-за этихъ водъ была бы намъ непонятна, разбирая въ своемъ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» представленіе комедіи Грибоѣдова «Молодые супруги», нашелъ, что въ этой піесѣ встрѣчаются стихи дурные, шероховатые и совершенно неприличные дѣйствующимъ лицамъ», напр.

«Гдѣ нѣтъ взаимности, рождается остуда».

«Ахъ! убѣгая разъ она домашней сѣни,
Тобою занята гораздо будетъ менѣй».

«Внезапно кротость та пожертвована вздору, и проч.»

и выразился, что «читая подобные стихи, по неволѣ вспомнишь слова Мизантропа:

.....«Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи» (****).

Искра попала въ порохъ, Грибоѣдовъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ затрогиваютъ безнаказанно. Загоскина же онъ не уважалъ ни какъ писателя, ни какъ человѣка, что видно изъ его писемъ къ Бѣгичеву. Нужно было осмѣять, скомпрометировать его,—и вотъ явилась небольшая рукописная піеска, которую, какъ рѣдкость и живой отголосокъ своего времени, мы выписываемъ здѣсь вполнѣ:

ЛУБОЧНЫЙ ТЕАТРЪ

Comptable de l'ennui, dont sa muse m'assomme,
Pourquoi s'est'il nommé, s'il ne veut qu'on le nomme.

Эй! Господа!
Сюда, сюда!

(*) «Сынъ Отеч.» 1816 г. № XXVII, стр. 3—23.

(**) Тамъ же, № XXX, стр. 150—161.

(***) «Ев. Онѣгинъ», глава VIII, строфа XLIX. Впрочемъ, никто такъ хорошо, двумя словами, не охарактеризовалъ журнальныхъ перебранокъ стараго времени, какъ покойный Полевой: «какой-нибудь Трутень», говоритъ онъ, «напишетъ какой-нибудь «Всякой всячинѣ». «Ахъ, ты дура», и та ему сейчасъ же въ отвѣтъ: «Самъ ты дуракъ», и дѣло съ концомъ (Моск. Телеск. 1827 г.).

(****) «Сѣверн. Наблюд.» 1817 г. № 15. Отдѣл. III. Театръ. Еженедѣльный репертуаръ, стр. 54, 55 и 56.

Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тьма у насъ оказій разныхъ,
Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ....
Взойдите къ намъ.
Добро пожаловать.... Кто баринъ тароватый?
Извольте видѣть—вотъ
Рогатый, не рогатый,
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и княжны,
Князь Фольгинъ и князь Блесткинъ.
Они хоть и смѣшны,
Да самъ за то ужь онъ—
Куда смѣшонъ!
Водиться съ нимъ — ей Богу, праздникъ!
Вотъ вамъ его *Проказникъ*;
Спроказилъ онъ не ловко: разъ упалъ
Да и не всталъ,
Но авторъ таковымъ примѣромъ
Не наученъ грѣшить передъ партеромъ:
Проказитъ до сихъ поръ,—
Что̀ видитъ и что̀ слышитъ
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ и пишетъ.
Вотъ *Богатоновъ* вамъ! Особенно онъ милъ....
Богатъ чужимъ добромъ—все крадетъ, что находитъ.
Съ *Транжирина* кафтанъ стащилъ
Да въ немъ и ходитъ.
А свѣтскій тонъ
Не только онъ
И вся его бесѣда
Переняли у буйнаго сосѣда.
Что жь вы?... Не ужь-то по домамъ?..
Ужь надоѣли вамъ?
И кстати-ль?
Вотъ вамъ Загоскинъ — наблюдатель
Вотъ «Сынъ Отечества», съ нимъ вѣчный состязатель:
Одинъ напишетъ вздоръ,
Другой на то разборъ,
А разобрать труднѣе
Кто изъ двоихъ глупѣе.
Что вы смѣетесь, господа?
Писцу насмѣшки не бѣда:
Онъ знаетъ многое смѣшное за собою,
Да ужь давно махнулъ рукою,
Махнулъ перомъ — отдалъ съиграть,
А вы, пожалуй, разсуждайте!
Махнулъ перомъ — отдалъ въ печать,
А вы читайте!

Говорятъ, что Грибоѣдовъ съ этой піеской пріѣхалъ къ кому-то изъ журналистовъ за тѣмъ, чтобы ее напечатали. «Помилуйте А. С.,» отвѣчалъ журналистъ, «развѣ подобныя вещи печатаются? Это чистыя личности!» Оста-

валось одно средство: распространить пѣсеку въ рукописяхъ — и вотъ въ нѣсколько дней по Петербургу разошлись, черезъ знакомыхъ и знакомыхъ этихъ знакомыхъ, *тысяча* экземпляровъ «Лубочнаго театра». Сжатые, смѣлые рѣзкіе стихи, — настоящіе предшественники стиховъ «Горе отъ ума», — легко удерживались у всѣхъ въ памяти. Сказываютъ, что стихъ: «Пишу насмѣшка не бѣда», пришелся особенно солонъ.

Въ это время Грибоѣдовъ велъ жизнь разсѣянную, или, какъ выразился Бѣгичевъ, «по молодости лѣтъ веселую и разгульную» и много посѣщалъ общество, — то, что, по справедливому замѣчанію Лермонтова, называется *свѣтомъ*. Знавшіе его удивляются, какъ успѣлъ онъ написать тогда и ту малую-толику, которая имъ написана. «Съ его неистощимой веселостію и остротой» (слова записки Бѣгичева) «вездѣ, когда онъ попадалъ въ кругъ молодыхъ людей, онъ былъ ихъ душой». «Всегдашнее же наше и почти неразлучное общество составляли: Грибоѣдовъ, Жандръ, Катенинъ, Чепяговъ и я. Всѣ они, кромѣ меня, были въ душѣ поэты; всѣ много читали, знали хорошо европейскую литературу *и отдавали преимущество романтикамъ*. Въ дружескихъ бесѣдахъ, часто сообщали они другъ другу планы будущихъ своихъ сочиненій, но мало писали да и не имѣли времени для этого отъ служебныхъ своихъ занятій.» «*Веселая и беззаботная тогда была жизнь наша!*» восклицаетъ Бѣгичевъ. «Я при старости моей съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ времени!»

И вдругъ, изъ этой умной, свѣжей, блестящей среды Грибоѣдовъ, перешедшій изъ военной службы въ вѣдомство иностранной коллегіи еще въ концѣ 1815 или въ началѣ 1816 года, — ѣдетъ въ Персію.

Ѣхалъ онъ туда неволей, чему неопровержимымъ доказательствомъ слѣдующія слова изъ письма его къ Бѣгичеву въ Москву, отъ 15 апрѣля 1818 года: «Однако, довольно поговорено о *Притворной невѣрности*; теперь объясню тебѣ непритворную мою печаль. Представь себѣ, что меня непремѣнно хотятъ послать, куда бы ты думалъ?—въ Персію, и чтобъ жилъ тамъ Какъ я ни отнѣкиваюсь, ничего не помогаетъ» (*).

Письмо это очень замѣчательно въ біографіи Грибоѣдова. Объяснивъ свою дѣйствительно непритворную печаль, онъ разсказываетъ весь бывшій у него разговоръ съ министромъ по поводу этого назначенія: «я объявилъ, что не рѣшусь иначе и то не навѣрно, какъ если мнѣ дадутъ два чина, тотчасъ при назначеніи меня въ Тегеранъ. Онъ поморщился, а я представлялъ ему со всевозможнымъ французскимъ краснорѣчіемъ, что жестоко было бы мнѣ цвѣтущія лѣта мои провести между дикообразными Азіатцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми, съ пріятными женщинами, которымъ я самъ могу быть пріятнымъ.... словомъ, *невозможно мнѣ собою пожертвовать безъ хотя нѣсколько соразмѣрнаго возмездія.*» «Вы въ уединеніи усовершенствуете ваши дарованія». Нисколько, В. С.! музыканту

(*) Письма, изд. Общ. Люб. Росс. Слов. стр. 8.

и поэту нужны слушатели, читатели: их нѣтъ въ Персіи.... *Всего забавнѣе, что я ему твердилъ о томъ, какъ сроду не имѣлъ ни малѣйшихъ видовъ честолюбія, а между тѣмъ за два чина предлагалъ себя въ полное его распоряженіе.*»

Двухъ чиновъ ему не дали, а только одинъ, слѣдующій, титулярнаго совѣтника.

Вотъ что̀ нужно здѣсь разобрать и прибавить:

Грибоѣдову нельзя было не дорожить службой. На это было нѣсколько причинъ: во 1-хъ выйдти, безъ всякой опредѣленной цѣли, изъ службы чуть-чуть не тѣмъ чиномъ.

Въ 2-хъ, хозяйственныя дѣла его матери начали въ это время уже растроиваться: жизнь въ Москвѣ, въ самомъ лучшемъ кругу, а особенно воспитаніе дѣтей, ей дорого стоили.

Была еще причина, которая такъ сказать толкала въ это время Грибоѣдова изъ Петербурга. Я не могу здѣсь умолчать о ней, какъ потому, что, по непреложному свидѣтельству біографической записки Бѣгичева, тѣ обстоятельства, которыя я сейчасъ опишу, были дѣйствительно для Грибоѣдова одною изъ побудительныхъ причинъ къ отъѣзду, такъ и потому, что они во многомъ поясняютъ и личный его характеръ и духъ его времени и общества.

Бѣгичевъ въ запискѣ своей говоритъ весьма коротко объ этихъ обстоятельствахъ, но я виолнѣ, подробно знаю ихъ отъ другихъ лицъ, бывшихъ близкими Грибоѣдову.

Читатель, можетъ быть, знастъ по преданію, или по крайней мѣрѣ изъ стиховъ Пушкина, что такое за очаровательное, за прелестное созданіе была въ то время, о которомъ я говорю, извѣстная танцовщица Истомина.

Само собой понимается, что у Истоминой поклонниковъ и обожателей было—видимо-невидимо. Счастливѣйшимъ былъ нѣкто Вас. Александр. Шереметевъ, однополчанинъ Бѣгичева, кавалергардскій офицеръ, молодой человѣкъ очень любезный, съ отлично-добрымъ и благороднымъ сердцемъ: онъ жилъ съ Истоминой въ одномъ домѣ и даже больше на ея счетъ, потому что Истомина, какъ первая танцовщица, получала хорошія деньги и жила хорошо. Жили они совершенно по-супружески и даже иногда, къ близкимъ знакомымъ, какъ напр. къ князю Шаховскому, выѣзжали вмѣстѣ. Любилъ ее Шереметевъ со всѣмъ безуміемъ страсти, стало быть и съ ревностію. Несмотря на это, онъ часто съ ней ссорился, какъ нарочно, поссорился съ ней передъ роковымъ для себя днемъ и уѣхалъ отъ нея.

Бѣгичевъ былъ въ это время въ Москвѣ. Грибоѣдовъ, жившій сперва съ нимъ, жилъ потомъ съ графомъ Завадовскимъ.

Можетъ быть, графъ Завадовскій имѣлъ прежде на Истомину какіе-нибудь виды, но долженъ былъ уступить счастливому сопернику; Грибоѣдовъ же, не имѣвшій на нее ровно никакихъ, пригласилъ ее, какъ то разъ, послѣ спектакля, къ себѣ пить чай. Онъ самъ бывалъ у Истоминой довольно часто, какъ другъ, какъ близкій знакомый. Истомина согласилась, но, зная, что Шереметевъ за ней подсматриваетъ и, не желая вводить его въ искушеніе и лиш-

ній гнѣвъ, сказала Грибоѣдову, что не поѣдетъ съ нимъ вмѣстѣ изъ театра, а назначила ему мѣсто, гдѣ съ ней сейчасъ же послѣ спектакля встрѣтиться— первую, такъ называемую Суконную линію гостиннаго двора, на этотъ разъ, разумѣется, совершенно пустынную, потому что дѣло было ночью. Такъ все и сдѣлалось: она вышла изъ театральной кареты противъ назначеннаго мѣста, встрѣтилась съ Грибоѣдовымъ и уѣхала къ нему. Шереметевъ, наблюдавшій издалека, все это видѣлъ. Слѣдуя за санями Грибоѣдова, онъ вполнѣ убѣдился, что Истомина пріѣхала съ кѣмъ-то въ квартиру графа Завадовскаго; послѣ же, очень просто, черезъ людей, могъ узнать, что этотъ «кто-то» былъ Грибоѣдовъ. Взволнованный, взбѣшенный Шереметевъ бросился къ своему пріятелю Якубовичу съ вопросомъ: «что дѣлать?» Якубовичъ (*) былъ лично храбрый, но безпокойный человѣкъ, съ довольно страннымъ, какъ это сейчасъ и докажется, взглядомъ на иныя вещи. «Что дѣлать,»— отвѣчалъ онъ — «это очень понятно: драться, разумѣется, надо. Но теперь вопросъ въ томъ: какъ и съ кѣмъ? Возлюбленная твоя была у Завадовскаго,— это разъ, но привезъ ее туда Грибоѣдовъ, — это два; стало быть, тутъ два лица, требующія пули, а изъ этого выходитъ, что для того, чтобы никому не было обидно, мы, при сей вѣрной оказіи, составимъ un parti carré: ты стрѣляйся съ Грибоѣдовымъ, а я на себя возьму Завадовскаго. Логика, какъ изволите видѣть, своего рода, съ своимъ «закономъ достаточнаго основанія.» Шереметевъ и Якубовичъ пріѣхали къ Грибоѣдову и Завадовскому, и Шереметевъ Грибоѣдова вызвалъ. «Нѣтъ, братецъ,» — отвѣчалъ Грибоѣдовъ, — «я съ тобой стрѣляться не буду, потому что, право, не за что, а вотъ, если угодно Александру Ивановичу (Якубовичу), такъ я къ его услугамъ.» Parti carré устроилось: Шереметевъ долженъ былъ драться съ Завадовскимъ, а Грибоѣдовъ съ Якубовичемъ. Барьеръ назначенъ былъ на 18 шаговъ, съ тѣмъ, чтобы противникамъ пройдти по 6, и тогда стрѣлять. Первая очередь была первыхъ лицъ, т. е. Шереметева и Завадовскаго. Когда они стали съ крайнихъ предѣловъ барьера сходиться на ближайшіе, графъ Завадовскій, который былъ отличный стрѣлокъ, шелъ тихо и совершенно покойно. Хладнокровіе ли Завадовскаго взбѣсило Шереметева, или чувство ревности и злобы пересилило въ немъ разсудокъ, только онъ, что называется, не выдержалъ и выстрѣлилъ въ Завадовскаго, еще не доходя до барьера. Пуля пролетѣла такъ близко, что оторвала часть воротника у сюртука, у самой шеи... Тогда, что̀ очень понятно, чувство злобы овладѣло Завадовскимъ. «Ah!» — сказалъ онъ — «il en voulait à ma vie, — à la barrière.» Дѣлать было нечего, Шереметевъ подошелъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ при дуэли стали потихоньку просить Завадовскаго, чтобы онъ пощадилъ жизнь Шереметева. «Я буду стрѣлять въ ногу» — отвѣчалъ онъ. Шереметевъ вслушался въ эти переговоры и сказалъ ему: «ты долженъ убить меня, или, рано или поздно, я тебя убью.» Завадовскій выстрѣлилъ. Ударъ былъ смертельный,— пуля пробила бокъ, прошла черезъ животъ, только не на вылетъ, и остано-

(*) Это тотъ самый Якубовичъ, о которомъ баронъ Корфъ говоритъ въ своей книгѣ о вступленіи на престолъ Императора Николая Павловича.

вилась въ другомъ боку. Шереметевъ упалъ навзничь и «сталъ нырять по снѣгу, какъ рыба,» — подлинное выраженіе докт. Іона, очевидца дуэли, тоже разказывавшаго мнѣ, какъ и другія лица, всѣ эти подробности. «Вотъ тебѣ, Вася, и рѣпка!» прехладнокровно сказалъ тогда Шереметеву бывшій тутъ же нѣкто Каверинъ, лицо замѣчательное и характерно-типическое въ отношеніи къ своему времени, — который, будучи адъютантомъ Бенингсена, до того проказилъ въ Гамбургѣ, что былъ цѣлому городу и околодку извѣстенъ подъ именемъ *краснаго гусара*. Якубовичъ извинился передъ Грибоѣдовымъ, что имъ теперь стрѣляться невозможно, потому что онъ долженъ отвезти Шереметева домой. Они отложили свои расчеты до первой возможности. Однако, эта возможность имъ въ Петербургѣ уже не представилась. Отецъ Шереметева, зная довольно безпорядочную жизнь сына, просилъ государя Александра Павловича простить всѣхъ принимавшихъ участіе въ дуэли. Всѣ были прощены, кромѣ Якубовича, главнаго зачинщика дѣла, — его сей часъ же арестовали и потомъ выписали изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ въ армію и, прямо изъ подъ ареста, послали служить на Кавказъ. Судьба хотѣла, чтобъ они встрѣтились съ Грибоѣдовымъ въ этомъ отдаленномъ краю, да еще на самыхъ первыхъ порахъ пріѣзда Грибоѣдова, чуть ли не на лѣстницѣ гостиницы. Вспомнили о расчетахъ и стрѣлялись. Ермоловъ только нѣсколькими минутами не успѣлъ предупредить дуэли, пославши арестовать обоихъ. Грибоѣдовъ, также какъ и Шереметевъ, не выдержалъ и выстрѣлилъ не дошедши до барьера. Якубовичъ стрѣлялъ отлично и послѣ разсказывалъ, что не имѣлъ на жизнь Грибоѣдова ни малѣйшихъ покушеній, а только хотѣлъ, въ знакъ памяти, лишить его руки. Дѣйствительно, пуля попала Грибоѣдову въ ладонь лѣвой руки около большаго пальца, но, по связи жилъ, ему свело мизинецъ и это, впослѣдствіи, мѣшало ему, музыканту, играть на фортепіано. Ему нужна была особая аппликатура. Только по этому сведенному мизинцу и узнали, въ грудѣ другихъ тѣлъ, трупъ его послѣ истребленія нашего посольства персидской чернью 30 января 1829 года. (*)

Шереметевъ жилъ послѣ дуэли три дня. «Я былъ въ это время въ отсутствіи», пишетъ Бѣгичевъ, «и Грибоѣдовъ писалъ ко мнѣ въ Москву, что на него нашла ужасная тоска, что онъ безпрестанно видитъ передъ собой умирающаго Шереметева и пребываніе въ Петербургѣ сдѣлалось ему невыносимымъ. Въ продолженіи этого времени познакомился съ нимъ замѣчательный по уму своему Мазаровичъ. Онъ былъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Персіи и предложилъ Грибоѣдову ѣхать съ нимъ секретаремъ посольства.

(*) Мар. Серг. увѣряла меня, что тѣла ея брата нѣтъ въ Тифлисѣ, что узнать его между мертвыми не было возможности, а потому положили въ гробъ перваго попавшагося и, съ разными почестями, привезли въ русскія владѣнія. Это совершенно опровергается слѣдующими словами изъ письма ко мнѣ отъ 7 мая 1857 г. вдовы Грибоѣдова, Нины Александровны, которой, конечно, дѣло было извѣстнѣе, чѣмъ кому либо другому: «Слухи, дошедшіе до Марьи Серг., что тѣло А. С. не было найдено, несправедливы. Я знаю отъ людей вѣрныхъ, которые сопровождали его гробъ, что тѣло его доставлено въ Тифлисъ. Правда, говорили, что по лицу узнать его было нельзя, *но онъ былъ узнанъ по мизинцу, сведенному отъ раны на дуэли*».

Я возвратился изъ Москвы за нѣсколько дней до ихъ отправленія и горестно было наше разставаніе!!»

Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Петербурга 30 августа 1818 года. Теперь легко прослѣдить весь путь его до самаго Тегерана, съ разными неизбѣжными путевыми впечатлѣніями, по письмамъ его къ Бѣгичеву и по бумагамъ, найденнымъ въ его «Черновой тетради,» но я не сдѣлаю этого уже потому, что оба матеріала напечатаны. Гораздо любопытнѣе намъ то, что относится собственно къ внутренней, духовной, умственной его жизни въ это время и къ служебной его дѣятельности.

Предсказанію министра, видно, суждено было сбыться. Грибоѣдовъ страшно скучалъ во владѣніяхъ Средоточія вселенной, царя царей, *въ этой глупой землѣ, Персіи*, какъ онъ ее называетъ, но жизнь его тамъ ознаменовалась значительными успѣхами въ интеллектуальномъ его развитіи: «Трехлѣтнее, если не ошибаюсь,» говоритъ Бѣгичевъ, — «его пребываніе въ Персіи и уединенная жизнь въ Таврисѣ (*) сдѣлали Грибоѣдову большую пользу. *Сильная воля его укрѣпилась, всегдашнее его любознаніе не имѣло уже преградъ и разсѣянія.* Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ отраслямъ наукъ и много учился. Способность его къ изученію языковъ была необыкновенная: онъ *совершенно* узналъ персидскій языкъ, прочелъ всѣхъ персидскихъ поэтовъ и самъ могъ писать стихи на этомъ языкѣ. Началъ онъ также учиться и санскритскому языку, но ученія этого не кончилъ».... «Ты видишь,» — пишетъ Грибоѣдовъ къ Катенину изъ Тавриса въ февралѣ 1820 года, исчисляя разныя задуманныя Аббасъ-Мирзой преобразованія, — «что и здѣсь въ умахъ потрясеніе. Землетрясеніе всего чаще. Хоть-то хорошо, коли о здѣшнемъ городѣ сказать «провались онъ совсѣмъ», такъ точно иной разъ провалится. *Не воображай меня, однако, слишкомъ жалкимъ. Къ моей скукѣ я умѣлъ примѣшать разнообразіе, распредѣлилъ часы*: скучаю поперемѣнно то съ Лугатомъ Персидскимъ, за который не принимался съ сентября, то съ дѣловыми бездѣльями, то въ разговорахъ съ товарищами. Веселость утрачена, не пишу стиховъ; можетъ и творились бы, да читать некому, сотруженики не Русскіе!» (**)

Грибоѣдовъ пріобрѣлъ уваженіе англійской миссіи и, что всего важнѣе, полное расположеніе, можно сказать, дружбу такого, во всякомъ случаѣ замѣчательнаго человѣка, какимъ былъ наслѣдный принцъ Аббасъ-Мирза. Уже одно то, что принцъ могъ слушать умныя рѣчи на своемъ родномъ языкѣ, привязывало его къ Грибоѣдову. Кромѣ того, Грибоѣдовъ былъ музыкантъ. Принцъ до того любилъ бывать вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ, что часто, какъ говорилъ мнѣ Бѣгичевъ, мѣшалъ ему заниматься.

Какая же, спросимъ, есть возможность предположить, чтобы Мазаровичъ, уму котораго отдаютъ справедливость всевозможныя свидѣтельства –

(*) «Посланникъ нашъ только по временамъ ѣздилъ въ Тегеранъ, ко двору шаха, но жилъ всегда въ Таврисѣ, при тогдашнемъ наслѣдникѣ престола Аббасъ-Мирзѣ, любимомъ сынѣ шаха и правителѣ Персіи.» Прим. С. Н. Бѣгичева.

(**) „А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія.“ Изд. Серчевскаго. Спб. 1858, стр. 39.

печатныя, письменныя и устныя—самъ выбралъ себѣ въ секретари посольства человѣка, который не только не принесъ бы ему никакой пользы, но еще могъ его компрометировать своимъ незнаніемъ дѣла или неспособностію привыкнуть къ дѣлу? Какъ же такъ ошибался министръ, настаивавшій, несмотря на всѣ отговорки Грибоѣдова, чтобы онъ ѣхалъ въ Персію? Какъ же Ермоловъ, человѣкъ не только прямой, но крутой, который ни съ кѣмъ не любилъ церемониться, не только не посовѣтовалъ Мазаровичу избавиться отъ секретаря, бумаги котораго возбуждаютъ смѣхъ въ канцеляріи главнокомандующаго, но послѣ взялъ этого секретаря на службу къ себѣ, по дипломатической части? Какое можно дать вѣроятіе тому, что Грибоѣдовъ, съ его умомъ и громадными дарованіями, человѣкъ, знавшій всѣ главные европейскіе языки и такъ скоро выучившійся восточному (а это потруднѣе), Грибоѣдовъ,—чрезъ какіе-нибудь 5—6 лѣтъ главное дѣйствующее лице при заключеніи туркманчайскаго трактата и авторъ «Горе отъ ума», не могъ справиться съ такой бѣдной, жалкой вещію, какъ познаніе канцелярскихъ формъ?

Блестящее и вполнѣ неоспоримое доказательство того личнаго вліянія и служебнаго уваженія, какимъ пользовался Грибоѣдовъ въ Персіи, есть возвращеніе въ отечество слишкомъ ста человѣкъ русскихъ, жившихъ въ Персіи. Можно ли было это сдѣлать безъ силы и вліянія? Грибоѣдовъ получилъ за это послѣ замѣчаніе отъ начальства, потому что, со служебной точки зрѣнія, вмѣшался не въ свое дѣло,—однако дѣло было сдѣлано. Всего замѣчательнѣе то, что какъ ни недоволенъ былъ этимъ народъ, но дѣло было ведено такъ умно и ловко, что не только не ослабило расположенія къ Грибоѣдову наслѣднаго принца, несмотря на бывшій у нихъ изъ-за этихъ русскихъ очень крупный разговоръ (*), но шахъ еще пожаловалъ ему орденъ Льва и Солнца. И это сдѣлалъ человѣкъ, безполезный для службы, человѣкъ, не умѣвшій написать путной канцелярской бумаги!

Въ февралѣ 1822 года Грибоѣдовъ оставилъ персидскую нашу миссію и перешелъ на службу къ Ермолову. Съ нимъ онъ былъ во многихъ экспедиціяхъ, какъ это доказываетъ его дневникъ въ «Черновой тетради». Въ мартѣ 1823 года онъ, къ общей радости своихъ друзей, особенно же Бѣгичева, пріѣхалъ въ Москву; въ іюнѣ 1824 г. былъ въ Петербургѣ, собирался за границу, но не поѣхалъ, и только осенью 1825, какъ надо думать, въ октябрѣ, черезъ Крымъ, который ему давно хотѣлось видѣть, вернулся въ Грузію. Въ февралѣ (**) 1826 года за нимъ, — вслѣдствіе происшествій 14 декабря 1825 г.,—прискакалъ изъ Петербурга курьеръ и онъ былъ взятъ, тоже во время одной экспедиціи, въ Екатериноградской станицѣ.

У Бѣгичева, въ запискѣ его, нѣтъ никакого свидѣтельства объ этомъ періодѣ жизни Грибоѣдова, но я сохранилъ все, мною слышанное, и передаю эти извѣстія публикѣ.

(*) «Русс. Слово» 1859 г. 1 ст. о Черн. тетр. Гриб. стр. 49 и 50.

(**) По единогласному, записанному мной, показанію С. Н. Бѣгичева и докт. Іона.

Грибоѣдовъ собственно не принадлежалъ къ заговору, не только не принималъ въ немъ дѣятельнаго участія, — то занятый своей комедіей, то любовью къ хорошенькой танцовщицѣ Телешевой, *вскружившей*, какъ самъ говорилъ, *ему голову* (*), то странствуя по Крыму, то въ отдаленномъ Тифлисѣ или въ экспедиціяхъ на дикомъ Кавказѣ,—уже потому не принадлежалъ, что не вѣрилъ въ счастливый успѣхъ его. «Сто человѣкъ прапорщиковъ», часто говорилъ онъ, смѣясь, «хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи!» Но онъ зналъ о заговорѣ, можетъ быть даже сочувствовалъ желанію нѣкоторыхъ перемѣнъ, былъ знакомъ съ большей частію заговорщиковъ, и съ нѣкоторыми—въ перепискѣ. Это-то знакомство и было причиной того, что его «потянули», какъ онъ послѣ выразился въ едва ли кому неизвѣстномъ четверостишіи, которое неудобно печатать. Тутъ Ермоловъ оказалъ ему услугу важную...

Но прежде необходимо прослѣдить самыя мнѣнія Грибоѣдова объ Ермоловѣ и отношенія къ нему до той минуты, какъ пришлось Грибоѣдову прокатиться въ Петербургъ съ курьеромъ.

Вездѣ, гдѣ Грибоѣдовъ ни говоритъ объ Ермоловѣ, онъ говоритъ о немъ съ величайшимъ, и притомъ не съ холоднымъ, но съ полнымъ самаго искренняго сочувствія уваженіемъ, съ удивленіемъ къ не совсѣмъ обыкновенной и нравственной и физической организаціи этого въ высокой степени замѣчательнаго человѣка. Вотъ слова его объ Ермоловѣ послѣ перваго же его пребыванія въ Тифлисѣ, на пути въ Персію съ Мазаровичемъ отъ 29 января 1819 г., въ письмѣ къ Бѣгичеву, которое можетъ быть никогда не было послано, по-крайней-мѣрѣ его нѣтъ между письмами ему принадлежащими: «Алексѣй Петровичъ, прощаясь со мной, объявилъ, что я повѣса, однако прибавилъ, что совсѣмъ тѣмъ прекрасный человѣкъ. Увы, ни въ томъ, ни въ другомъ не сомнѣваюсь. *Кажется, что онъ меня полюбилъ*, а впрочемъ въ этихъ тризвѣздныхъ особахъ не трудно ошибиться; въ глазахъ у нихъ всякому хорошо, кто имъ сказками прогоняетъ скуку; что-то впередъ будетъ! Есть одно обстоятельство, которое покажетъ, дорожитъ ли онъ людьми. Я передъ тѣмъ, какъ садиться на лошадь, сказалъ ему: «Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse.» Онъ разсмѣялся, сказалъ, что это странная мысль. Ни чуть не странная! Ему дано право объявлять войну и миръ заключать: вдругъ придетъ въ голову, что наши границы не довольно опредѣлены со стороны Персіи и пойдетъ ихъ расширять по Аракъ! А съ нами тогда что будетъ? *Но, что это за славный человѣкъ! Мало того, что уменъ, нынче всѣ умны, но совершенно по-русски, на все годенъ, не на одни великія дѣла, не на одни мелочи,*

(*) Это милая и довольно занимательная исторія, о которой я здѣсь, однако, ничего не буду говорить, кромѣ того, что соперникомъ Грибоѣдова, менѣе счастливымъ, былъ тогдашній генералъ-губернаторъ Петербурга, графъ Милорадовичъ, «chevalier bayard», какъ называлъ его Грибоѣдовъ. Все это, впрочемъ, не мѣшало ихъ доброму согласію и Грибоѣдовъ вмѣстѣ съ Милорадовичемъ ѣздили осматривать Петербургъ послѣ наводненія 7 ноября 1824 года

замѣть это. Притомъ тьма краснорѣчія, а не нынѣшнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство: *его слова хоть сейчасъ положить на бумагу. Любитъ много говорить, однако позволяетъ говорить и другимъ; иногда (кто безъ грѣха?) много толкуетъ о вещахъ, которыя мало понимаетъ, однако и тогда, если не убѣдится, все-таки заставляетъ себя слушать.* Эти случаи мнѣ очень памятны, потому что я съ нимъ часто спорилъ, разумѣется о томъ, въ чемъ я твердо былъ увѣренъ, иначе бы такъ не было: однако, ни разу не переспорилъ; можетъ быть исправилъ. Я его видѣлъ каждый день, по нѣскольку часовъ проводилъ съ нимъ вмѣстѣ, и въ удобное время, чтобы его нѣсколько узнать.... Въ немъ нѣтъ этой глупости, которую нынче выдаютъ за что-то умное, а именно, что поутру неприступенъ, а впрочемъ готовъ къ услугамъ; *онъ всегда одинаковъ, всегда пріятенъ, и вотъ странность: тѣхъ даже, кого не уважаетъ, умѣетъ къ себѣ привлечь.... Якубовичъ, на котораго онъ сердится за меня и на глаза къ себѣ не пускаетъ*, безъ ума отъ него.... Не при немъ здѣсь быть бунту! Надо видѣть и слышать, когда онъ собираетъ здѣшнихъ или по-тусторону Кавказа кабардинскихъ и прочихъ князей; при помощи наметанныхъ драгомановъ, которые слова его не смѣютъ проронить, какъ онъ пугаетъ грубое воображеніе слушателей палками, висѣлицами, всякаго рода казнями, пожарами; это на словахъ, а на дѣлѣ тоже смиряетъ оружіемъ ослушниковъ, вѣшаетъ, жжетъ ихъ села—что же дѣлать? По законамъ я не оправдываю иныхъ его самовольныхъ поступковъ, но вспомни, что онъ въ Азіи,—здѣсь ребенокъ хватается за ножъ. *А, право, добръ;* сколько, мнѣ кажется, премягкихъ чувствъ, или я уже сдѣлался совсѣмъ панегиристомъ.... Въ послѣдній разъ, на балѣ у Мадатова, я ему разсказывалъ петербургскіе слухи о томъ, что Горцы у насъ вырѣзали полкъ. И онъ, впрочемъ, радъ, чтобъ это такъ случилось. «Чего, братецъ, имъ хочется отъ меня? Я забрался въ такую даль и глушь; предоставляю имъ всѣ почести, себѣ одни труды, никому не мѣшаю, никому не завидую. Montrez moi mon vainqueur et je cours l'embrasser» (*). «Грибоѣдовъ», говоритъ Бѣгичевъ въ своей запискѣ, — «писалъ мнѣ изъ Грузіи: *нашъ кавказскій проконсулъ гигантскаго ума* и послѣ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ лично тоже». Наконецъ, вотъ что пишетъ Грибоѣдовъ къ Бѣгичеву изъ Екатериноградской станицы отъ 7 декабря 1825 г., стало быть *черезъ шесть лѣтъ* послѣ вышеприведеннаго письма и не задолго до того, какъ его взяли: «На счетъ Алек. Петр. объявляю тебѣ, что *онъ умнѣе и своеобычливѣе, чѣмъ когда-либо.* Удовольствіе быть съ нимъ покупаю смертельною скукою во время виста; уйдти некуда, всѣ стѣснены въ одной комнатѣ; *но потомъ за ужиномъ, и послѣ до глубокой ночи разговорчивъ, оригиналенъ и необыкновенно пріятенъ.* Нынче, съ тѣхъ поръ, какъ мы вмѣстѣ, я еще болѣе *дивлюсь его сложенію*

(*) «Русс. Слово» 1859 г. № 4 «Черков. тетр. Гриб.» ст. 1, стр. 16, 17 и 18. Кажется никогда не было писано болѣе полной и вѣрной характеристики Ермолова, какъ эта, о которой Грибоѣдовъ, вѣроятно, думалъ, что она никогда не будетъ напечатана.

тѣлесному и нравственному. Безпрестанно сидитъ и не знаетъ почечуя, окруженъ служащими и не глупѣетъ.»

И Ермоловъ цѣнилъ Грибоѣдова по достоинству. Думаемъ, что и не могло быть иначе въ отношеніи къ человѣку, о которомъ мѣткій на-слово Пушкинъ сказалъ: «Это одинъ изъ самыхъ умныхъ людей въ Россіи. Любопытно послушать его» (*). Отчего, напримѣръ, въ одно и тоже время Ермоловъ Якубовича терпѣть не могъ и даже на глаза къ себѣ не пускалъ, а съ Грибоѣдовымъ, какъ видно, обращался очень ласково? Біографическая записка Бѣгичева положительно удостовѣряетъ, что Грибоѣдовъ *пользовался благорасположеніемъ* Ермолова (пусть выраженіе это стариковское, но свидѣтельство-то несомнѣнно!). Онъ,—что̀ правда, то правда, — могъ быть не существенно необходимъ Ермолову по дѣламъ собственно служебнымъ, какъ потому, что отношенія наши къ Персіи довольно долгое время представляли совершенный застой, такъ, въ особенности, потому что люди, какъ Ермоловъ, любятъ все дѣлать сами, *своеобычливы* и не терпятъ совѣтовъ и указаній.

Этой несущественной служебной необходимостію легко объясняется и продолжительный отпускъ Грибоѣдова — съ марта 1823 по октябрь 1825 года. Стало-быть ему тамъ нечего было дѣлать, когда онъ самъ говоритъ, что «навязывался Ермолову въ разныя экспедиціи противъ Горцевъ» (**).

Грибоѣдовъ не ошибся въ томъ, что Ермоловъ полюбилъ его: конечно, нигдѣ столько не выказалось это расположеніе, какъ въ той услугѣ, о которой, не объясняя ее, только намекаетъ Д. В. Давыдовъ, прибавляя, что подобную Грибоѣдовъ могъ ожидать только отъ роднаго отца. Совершенная правда. Теперь, черезъ столько времени и, главное, когда ни Ермолова, ни Грибоѣдова уже нѣтъ въ живыхъ, можно, думаю, говорить о дѣлѣ прямо.

Конечно, *Ермоловъ*—не для всякаго бы это сдѣлалъ....

Курьеръ, прискакавшій за Грибоѣдовымъ въ Екатериноградскую станицу, засталъ Ермолова за ужиномъ съ обычнымъ его обществомъ. Получивъ депешу, Ермоловъ вышелъ въ другую комнату прочитать ее и сейчасъ позвалъ туда Грибоѣдова. «Ступай домой и сожги все что̀ можетъ тебя компрометировать», сказалъ онъ. «За тобой прислали и я могу дать тебѣ только часъ времени». Грибоѣдовъ ушелъ и, послѣ назначеннаго срока, Ермоловъ пришелъ арестовать его со всей толпой — съ начальникомъ штаба и адъютантами. Часть бумагъ Грибоѣдова была въ крѣпости Грозной, — Ермоловъ далъ предписаніе коменданту взять ихъ и вручить курьеру.

Здѣсь, хотя эпизодически, но по необходимости должно сказать слѣдующее: Грибоѣдовъ, какъ свидѣтельствуютъ о немъ *всѣ* лица, его знавшія, имѣлъ рѣдкую, почти необыкновенную способность привлекать, привязывать къ себѣ людей. «Противъ очарованія его характера», говорила мнѣ сестра его, «устоять было нельзя; знать и не любить его было невозможно. Даже самъ

(*) «Горе отъ ума», изд. Кс. Полеваго, 1839 г. «О жизни и сочин. А. С. Грибоѣдова», стр. XLI.

(**) Письма изд. Общ. Люб. Росс. Слов.

Загоскинъ сказалъ ему: «ты мой злодѣй, а я все-таки тебя люблю». Сослуживцы Грибоѣдова отпустили курьера съ слѣдующимъ ему наказомъ,— чтобы онъ довезъ Грибоѣдова до Петербурга цѣла и сохранна, или никогда бы въ ихъ сторону не показывался, *ибо сіе можетъ быть ему вредно....* Такъ говорили мнѣ Бѣгичевъ и Іонъ.

Бумаги въ Грозной взяли, наконецъ пріѣхали въ Москву.

Грибоѣдовъ», разсказывалъ мнѣ еще въ 1841 году Ст. Ник. Бѣгичевъ, «чтобы не испугать меня, проѣхалъ прямо въ домъ брата моего, Дмитрія Никитича, въ Старой-Конюшенной, въ приходѣ Пятницы-Божедомской. Въ этотъ самый день у меня былъ обѣдъ: родные съѣхались провожать брата жены моей А. И. Барыкникова, возвращавшагося изъ отпуска на службу. Дм. Никит. долженъ былъ обѣдать у меня же. Ждали мы его, ждали и наконецъ сѣли за столъ. Вдругъ мнѣ подаютъ отъ брата записку такого содержанія: «Если хочешь видѣть Грибоѣдова, пріѣзжай: онъ у меня.» Я, ничего не подозрѣвая, на радостяхъ, сказалъ эту вѣсть во всеуслышаніе. Родные, зная мои отношенія къ Грибоѣдову, сами стали посылать меня на это, такъ неожиданно приспѣвшее, свиданіе. Я отправился.

«Вхожу въ кабинетъ къ брату, — накрытъ столъ; сидятъ и обѣдаютъ: Грибоѣдовъ, братъ и еще какая-то безволосая фигурка въ курьерскомъ сюртукѣ».

«Увидалъ я эту фигурку и меня обдало холоднымъ потомъ».

«Грибоѣдовъ смекнулъ дѣло и сейчасъ же нашелся. «Что ты смотришь на него?» сказалъ онъ мнѣ. Или думаешь, что это.... такъ.... просто, курьеръ? Нѣтъ, братецъ, ты не смотри, что онъ курьеръ — онъ происхожденія знатнаго: это испанскій грандъ *донъ Лыско Плышивосъ ди Парученца?*

«Этотъ фарсъ разсмѣшилъ меня и показалъ въ какихъ отношеніяхъ находился Грибоѣдовъ къ своему тѣлохранителю. Мнѣ стало нѣсколько легче.

«Отобѣдали, говорили. Грибоѣдовъ былъ веселъ и совершенно покоенъ. «А что, братецъ, сказалъ онъ тѣлохранителю,—«вѣдь у тебя здѣсь родные; ты бы съѣздилъ повидаться съ ними». Тѣлохранитель былъ очень радъ, что Грибоѣдовъ его *отпускаетъ* и сейчасъ уѣхалъ».

«Первымъ моимъ вопросомъ Грибоѣдову было выраженіе удивленія какими судьбами и по какому праву распоряжается онъ и временемъ, которое уже не принадлежало ему и особою своего тѣлохранителя. «Да что!» отвѣчалъ онъ мнѣ — «я сказалъ этому господину, что если онъ хочетъ довезти меня живаго, такъ пусть дѣлаетъ то, что мнѣ угодно. *Не радость же мнѣ въ тюрьму ѣхать!*

«Грибоѣдовъ пріѣхалъ въ Москву около 4 часовъ пополудни и выѣхалъ въ 2 часа ночи (*).

(*) «Гдѣ вы были въ это время?» обратился я, слушая этотъ разсказъ, къ находившемуся тутъ же доктору Іону. «Въ Москвѣ, но я не видалъ Грибоѣдова. Онъ оставилъ мнѣ записку, прося предупредить мать и сестру, чтобы они не пугались этого дѣла, потому что онъ самъ его не боится». «Гдѣ же записка?» У меня ее украли съ цѣлымъ сундукомъ книгъ».

«На третій день я отправился къ Настасьѣ Ѳедор. (матери Гриб.), и та съ обыкновенной своей запосчивостію, съ первыхъ же словъ, начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ и проч и проч.

Проѣздомъ черезъ Тверь, какъ я узналъ отъ него послѣ, онъ опять остановился: у тѣлохранителя оказалась тамъ сестра, къ которой они и въѣхали Грибоѣдовъ, войдя въ комнату, увидалъ фортепіано и, — глубокій музыкантъ въ душѣ, — не вытерпѣлъ и сѣлъ къ нему.... Девять битыхъ часовъ его не могли оторвать отъ инструмента!

«По пріѣздѣ въ Петербургъ, курьеръ привезъ его въ главный штабъ и сдалъ и его и пакетъ дежурному офицеру. Пакетъ лежалъ на столѣ.... Грибоѣдовъ подошелъ, взялъ его.... пакетъ исчезъ»....

«Имя Грибоѣдова было такъ громко, что по городу сейчасъ же пошли слухи: «Грибоѣдова взяли! Грибоѣдова взяли!...»

«Не весело было, однако, ему сидѣть. Но и тутъ, въ заключеніи, не исчезло вліяніе его характера, очаровывавшаго все окружающее. Его очень полюбилъ надсмотрщикъ, надзиравшій надъ лицами, содержавшимися подъ арестомъ. Разъ, Грибоѣдовъ, въ досадѣ на свое положеніе, разразился такой, уже по всему громкой, іереміадой, что надсмотрщикъ отворилъ дверь въ его комнату.... Грибоѣдовъ пустилъ въ него чубукомъ. Товарищи заключенія такъ и думали, что ему послѣ того не сдобровать. Что же вышло? Черезъ полчаса, или менѣе, дверь полуотворилась и надсмотрщикъ спрашиваетъ: «Алекс. Серг., вы еще сердиты или нѣтъ?» «Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! отвѣчалъ Грибоѣдовъ, разсмѣявшись. «Войдти можно? «Можно». — «И чубукомъ пускаться не будете?« «Нѣтъ, не буду!»

Допрашивать его водили въ крѣпость. На первомъ же допросѣ, Грибоѣдовъ началъ, письменно отвѣчая на данные ему вопросные пункты, распространяться о заговорѣ и заговорщикахъ: «я ихъ зналъ всѣхъ и проч»... Въ эту минуту къ его столу подошло одно очень вліятельное лицо и взглянуло на бумагу. «Алекс. Сергѣевичъ! Что вы пишете»! сказалъ подошедшій. «Пишите: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.» Грибоѣдовъ такъ и сдѣлалъ, да еще написалъ отвѣтъ довольно рѣзкій: «За что меня взяли,—не понимаю; у меня старуха мать, которую это убьетъ», и проч.

По прочтеніи этого отзыва, заключили, что не только противъ него нѣтъ никакихъ уликъ, но что человѣкъ долженъ быть правъ, потому что чуть-чуть не ругается....

Содержался онъ, однако, четыре мѣсяца.

Главные изъ заговорщиковъ, — фактъ въ высшей степени замѣчательный,— уже сидѣвшіе по разнымъ угламъ, стало быть, не имѣвшіе никакой возможности сговариваться, сказали одинаково, что Грибоѣдовъ въ заговорѣ не участвовалъ и что они не старались и привлекать его къ заговору, который всего скорѣй могъ имѣть очень дурной исходъ, потому что *берегли человѣка, который своимъ талантомъ могъ прославить Россію.*

Грибоѣдовъ вернулся въ Грузію съ чиномъ надворнаго совѣтника.

Между тѣмъ, горизонтъ политической дѣятельности Ермолова сильно покрывался тучами. «Матеріалы для его біографіи» говорятъ глухо о причинахъ, нагнавшихъ ихъ и, конечно, не наше дѣло о нихъ разсказывать.

Грибоѣдовъ былъ поставленъ въ самую непріятную й страшную служебную и житейскую дилемму: къ Ермолову его привязывало личное, искреннее уваженіе; съ Паскевичемъ онъ былъ связанъ очень близкимъ родствомъ: супруга Паскевича была двоюродная сестра Грибоѣдова.

Зная благородный характеръ Грибоѣдова, можно положительно утверждать, что послѣдняя причина не подѣйствовала бы, если бы тутъ не замѣшался довольно странный, доселѣ очень немногимъ извѣстный фактъ, за достовѣрность котораго вполнѣ ручаюсь, потому что слышалъ его отъ сестры Грибоѣдова и передаю его здѣсь со словъ ея:

«Матушка никогда не понимала глубокаго, сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только блеска и внѣшности. Вотъ что она разъ съ нимъ сдѣлала: *братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу.* Матушка какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божіей-Матери. Пріѣхали, отслужили молебенъ.... вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣни и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить.... Растроганный, взволнованный, онъ далъ слово.... Тогда она объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего, онъ поѣхалъ».

Никогда не думалъ Грибоѣдовъ платить Ермолову неблагодарностію: это было бы совершенно противно личному его характеру, — вышеприведенный мною фактъ служитъ достаточнымъ объясненіемъ дѣла.

Кромѣ же всего этого есть еще слѣдующее неопровержимое свидѣтельство: въ біографической запискѣ Бѣгичева послѣ словъ «пользовался его благорасположеніемъ» слѣдуютъ слова: «бывалъ съ нимъ въ военныхъ экспедиціяхъ *и до конца жизни отлично уважалъ его.*»

Паскевича Ермоловъ принялъ можетъ быть и ласково, но онъ очень хорошо зналъ за чѣмъ присланъ Паскевичъ, человѣкъ, пользовавшійся особенною милостію вновь вступившаго на престолъ Государя.

Положеніе Грибоѣдова между двумя огнями было самое непріятное. (*) Милый другъ мой!» пишетъ онъ къ Бѣгичеву отъ 9 декаб. 1826 года.— «Плохое мое житье здѣсь. — На войну не попалъ, потому что и Алек. Петр. туда не попалъ. А теперь другаго рода война. Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ. Съ А. П. у меня родъ прохлаж-

(*) Замѣчательно, что Грибоѣдовъ еще за годъ до пріѣзда Паскевича сильно жаловался на скуку и бездѣйствіе свое въ томъ краю. Вотъ слова его изъ (неизданнаго, конечно, но находящагося у меня въ копіи) письма къ А. А. Жандру изъ Екатериноградской станицы отъ 18 декаб. 1825 года: «Смерть государя причиною, что мы здѣсь запраздновали и ни съ мѣста. *Мнѣ уже тошно становится, никакого толку.* Мазаровичъ съ утра морилъ меня изломаннымъ французскимъ языкомъ, снѣгъ петербургскій, солнца давно нѣтъ, скучно въ полѣ, дома еще скучнѣе, не даютъ призадуматься; все это въ родѣ арабесокъ, какъ о нихъ говоритъ Алексѣй Петровичъ, что у человѣка изъ... дубъ ростетъ, съ котораго онъ зубами желуди хватаетъ. *Коли походъ въ Чечню не состоится, то я долѣе не выдержу. Какъ ни люблю А. П., но, по совѣсти сказать, начто я ему надобенъ*»?..

денія прежней дружбы. Денисъ Вас. этого не знаетъ; я не намѣренъ вообще давать это замѣчать, и ты держи про себя. Но старикъ нашъ человѣкъ прошедшаго вѣка; (*) *несмотря на все превосходство, данное ему отъ природы, подверженъ страстямъ. Соперникъ ему глаза колетъ, а отдѣлаться отъ него онъ не можетъ и не умѣетъ. Упустилъ случай выставить себя съ выгодной стороны въ глазахъ соотечественниковъ, слишкомъ уважалъ непріятеля, который этого не стоилъ.*»

Въ половинѣ мая 1827-го года мы видимъ Грибоѣдова уже въ персидскомъ походѣ съ Паскевичемъ. (**) Пишущему эту статью положительно извѣстно то совершенно дѣятельное участіе, которое принималъ Грибоѣдовъ не только въ заключеніи туркманчайскаго договора, бывшаго именно созданіемъ Грибоѣдова, но и въ самомъ ходѣ кампаніи. Съ Паскевичемъ, близкимъ родственникомъ и человѣкомъ, который былъ ближе къ нему по лѣтамъ, Грибоѣдовъ могъ говорить свободнѣй, чѣмъ съ Ермоловымъ. Онъ безпрестанно старался приводить въ дѣйствіе главную пружину дѣла—«не уважать непріятеля, который того не стоитъ.» Движенія къ Аббасъ-Абаду, (***) даже къ самой Эривани были слѣдствіемъ личныхъ, самыхъ убѣдительныхъ настояній Грибоѣдова.

Во время этой войны явились во всемъ блескѣ его огромныя дарованія, вполнѣ обработанныя многосторонней, правильной образованностію, его дипломатическій тактъ и ловкость, его способность къ труду огромному, сложному и требующему большихъ соображеній. Кромѣ того, — замѣчу теперь,— тутъ вполнѣ выказалась его личная, хладнокровная храбрость. Вспомнимъ, какъ онъ разсказывалъ при К. Л. Полевомъ о выбранномъ имъ способѣ отучиться «дрожать передъ ядрами, въ виду смерти.»—(****) «Нашъ слѣпой,»— писалъ Паскевичъ родной теткѣ жены своей, матери Грибоѣдова, — «совсѣмъ меня не слушается: разъѣзжаетъ себѣ подъ пулями, да и только!» (*****)

Паскевичъ поступилъ съ Грибоѣдовымъ благородно: онъ его-то и отправилъ въ Петербургъ для поднесенія Государю туркманчайскаго договора. На Грибоѣдова посыпались милости; но онъ и не ожидалъ и не желалъ главной — назначенія его полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ. Говорю это положительно,—потому что имѣю на это доказательства. Вотъ они:

Прежде всего, не подлежащее никакому сомнѣнію, свидѣтельство Бѣгичева, свидѣтельство драгоцѣнное, вполнѣ высказывающее характеръ, взглядъ на вещи и тенденціи Грибоѣдова: «Въ проѣздъ его черезъ Москву въ Петербургъ, съ трактатомъ, Грибоѣдовъ заѣзжалъ ко мнѣ часа на два и между

(*) Тутъ слѣдуютъ въ подлинномъ письмѣ слова, пропущенныя изданіемъ Общества Люб. Росс. Слов. Дѣйствительно, при жизни Ермолова не совсѣмъ было удобно ихъ печатать. Они слишкомъ важны, чтобы я рѣшился ихъ пропустить.

(**) «Рус. Слово,» 1859 г. №. 5. «Черн. тетр. Гриб.» ст. 2-я стр. 34—43.

(***) *Аббасъ-Абадъ*—крѣпость на лѣвомъ берегу Аракса, не подалеку отъ Нахичевани, построена по новой системѣ принцемъ Аббасъ-Мирзою на развалинахъ старой крѣпости того же имени.

(****) «Горе отъ ума» изд. 1839 г. Кс. Полеваго. «О жизни и сочин. А. С. Гриб.» стр. XLVI и XLVII.

(*****) Такъ говорилъ мнѣ С. Н. Бѣгичевъ еще въ 1841 году.

прочимъ сказывалъ, что графъ Эриванскій спрашивалъ его: какого награжденія онъ желаетъ?» «Я просилъ графа — говорилъ онъ — *представить меня только къ денежному награжденію.* Дѣла матери моей разстроены; деньги мнѣ нужны: *я пріѣду на житье къ тебѣ.* Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался,—для меня дѣла постороннія. *Призваніе мое—кабинетная жизнь.* Голова моя полна *и я чувствую необходимую потребность писать.*»

Тутъ, повторяю, высказался весь Грибоѣдовъ *какъ есть*, а не *какъ желалъ бы* его кто нибудь видѣть вслѣдствіе своихъ произвольныхъ, умышленныхъ толкованій.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ въ то время графъ Нессельроде, но всѣми дипломатическими дѣлами по Востоку завѣдывалъ графъ Каво д'Истріа. Разговаривая съ нимъ, Грибоѣдовъ сказалъ, что намъ въ Персіи нужно не Chargé d'affaires, а лицо, равное англійскому представителю — Полномочнаго Министра (Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire, — что одной степенью ниже главной степени дипломатическаго агента, посла, Ambassadeur). Можетъ оно и дѣйствительно такъ было нужно, но главное,—какъ утверждаютъ всѣ лица, хорошо знавшіе и Грибоѣдова и все это дѣло,—онъ надѣялся, высказавши такое мнѣніе, отклонить всякую возможность назначенія его самого на это мѣсто, думая, что чинъ его для того еще малъ

Чинъ ему дали и на мѣсто назначили.

«Насъ тамъ непремѣнно всѣхъ перерѣжутъ,» сказалъ онъ Жандру, пріѣхавъ къ нему прямо послѣ полученнаго назначенія. — Аллаяръ-Ханъ мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ туркманчайскаго трактата.» (*)

«Грустно провожали мы Грибоѣдова»—разсказывалъ мнѣ А. А. Жандръ.— «До Царскаго-Села его провожали только двое: Алек. Всеволод. Всеволожскій и я. Вотъ въ какомъ мы были тогда настроеніи духа: у меня былъ прощальный завтракъ; накурили, надымили страшно, наконецъ толпа схлынула, мы остались одни. День былъ пасмурный и дождливый (въ іюнѣ 1828 года). Мы проѣхали до Царскаго-Села и ни одинъ изъ насъ не сказалъ ни слова. Въ Царскомъ-Селѣ Грибоѣдовъ велѣлъ, такъ какъ дѣло было уже къ вечеру, подать бутылку бургонскаго, которое онъ очень любилъ, бутылку шампанскаго и закусить. Никто ни до чего не дотронулся. Наконецъ простились. Грибоѣдовъ сѣлъ въ коляску, мы видѣли какъ она повернула за уголъ улицы, возвратились съ Всеволожскимъ въ Петербургъ и во всю дорогу не сказали другъ съ другомъ ни одного слова, — рѣшительно *ни одного.*»

Здѣсь, по порядку обстоятельствъ, я выписываю цѣликомъ (да проститъ мнѣ читатель, если выйдетъ небольшое повтореніе, притомъ же чѣмъ больше свидѣтельствъ, тѣмъ лучше) слова біографической записки Бѣгичева:

«На пути къ мѣсту своего назначенія Грибоѣдовъ пробылъ у меня три дня... Во все это время онъ былъ чрезвычайно мраченъ; я ему это замѣтилъ и онъ,

---

(*) Аллаяръ-Ханъ былъ зять тогдашняго шаха и въ большой силѣ при персидскомъ дворѣ Онъ-то и побудилъ шаха къ войнѣ съ Россіей.

взявши меня за руку, сказалъ съ глубокой горестію: *прощай, братъ Степанъ. Врядъ ли мы еще съ тобой увидимся!* Къ чему эти мысли?»—возразилъ я.—«Ты бывалъ и въ сраженіяхъ, но Богъ тебя миловалъ.»—«Я знаю персіянъ отвѣчалъ онъ—*Аллаяръ-Ханъ мой личный врагъ, онъ меня уходитъ! Не подаритъ онъ мнѣ заключеннаго съ персіянами мира.*—Старался я отдѣлаться отъ этого посольства! Министръ сначала предложилъ мнѣ ѣхать повѣреннымъ въ дѣлахъ, я отвѣчалъ, что Россіи нужно тамъ имѣть полномочнаго посла, чтобы не уступать шагу англійскому послу. Министръ улыбнулся и замолчалъ, полагая, что я по честолюбію желаю имѣть титулъ посла. *А я подумалъ, что туча прошла мимо и назначутъ какого нибудь чиновнѣе меня*, но черезъ нѣсколько дней министръ присылаетъ за мной и объявляетъ, что я по Высочайшей волѣ назначенъ полномочнымъ министромъ. Дѣлать было нечего! Отказаться отъ этого назначенія послѣ всѣхъ милостей Государя было бы съ моей стороны черной неблагодарностію. Да и самое назначеніе меня полномочнымъ министромъ въ моемъ чинѣ (ст. сов.) я долженъ считать за милость, *но предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь.*»

Наконецъ, вотъ замѣчательныя слова Марьи Сер., сказанныя мнѣ, при свиданіи нашемъ 12 іюля 1850 года:

«*Братъ очень любилъ науку.* Изъ него, вѣроятнѣе, долженъ былъ выйдти не литераторъ, а второй Гумбольдтъ. (*) *Служебное тщеславіе и самолюбіе были ему до крайности противны... Всего болѣе нравилась ему тихая, кабинетная жизнь*, когда онъ, запершись въ своей комнатѣ, могъ учиться. Онъ очень любилъ изучать Св. писаніе и переводить псалмы стихами. Когда его назначили полномочнымъ министромъ въ Персію, онъ сказалъ мнѣ: «je ne concois pas comment peut on m'envoyer comme ministre: je suis un bien pauvre diplomate!»

Что сказать противъ этихъ свидѣтельствъ?

Гдѣ тутъ увлеченіе честолюбіемъ или протекція графа Паскевича?

Въ проѣздъ черезъ Тифлисъ Грибоѣдовъ женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чевчевадзевой.

Не имѣю возможности скрыть и даже почитаю себя нравственно-обязаннымъ передъ читателемъ познакомить его съ однимъ письмомъ Грибоѣдова къ Варв. Сем. Миклашевичевой, родственницѣ А. А. Жандра, о которой я упоминалъ выше. Это письмо кончено Грибоѣдовымъ менѣе, чѣмъ за два мѣсяца до его смерти. Оно дышетъ жизнію и поэзіей. Все въ немъ есть—и счастіе человѣка, наслаждающагося любовью милой женщины, и тревожныя опасенія за будущее, и грусть по оставленномъ далеко кругѣ добрыхъ и вѣрныхъ друзей, и живое воспоминаніе о человѣкѣ дорогомъ, почти погибшемъ... Отъ этого письма вѣетъ истинною жизни и благоуханіемъ свѣтлой души.

Эчміадзинъ. 17 сентября, 1828.

«Другъ мой, Варвара Семеновна. Жена моя, по обыкновенію, смотритъ мнѣ въ глаза, мѣшаетъ писать; знаетъ, что пишу къ женщинѣ и ревнуетъ. Не

(*) Женскій взглядъ на дѣло.

нѣняйте же на долгое мое молчаніе, милый другъ, видите ли въ какую необыкновенную для меня эпоху я его прерываю. Женатъ, путешествую съ огромнымъ караваномъ, 110 лошадей и мулловъ, ночуемъ подъ шатрами на высотахъ горъ, гдѣ холодъ зимній. Пишушка моя не жалуется, всѣмъ довольна, игрива, весела; для перемѣны бываютъ намъ блестящія встрѣчи, конница во весь опоръ несется, пылитъ, смѣшивается и поздравляетъ съ счастливымъ прибытіемъ туда, гдѣ бы вовсе быть не хотѣлось. Нынче насъ принялъ весь клиръ монастырскій въ Эчміадзинѣ, съ крестами, иконами, хоругвями, пѣніемъ, куреніемъ etc. и здѣсь, подъ сводами этой древней обители, первое мое помышленіе объ васъ и объ Андреѣ. Помиритесь съ моей лѣнью.

«Какъ это все случилось! Гдѣ я, что и съ кѣмъ! Будемъ вѣкъ жить, не умремъ никогда». Слышите? Это жена мнѣ сейчасъ сказала ни къ чему, — доказательство, что ей шестнадцатый годъ. Но мнѣ простительно ли, послѣ столькихъ опытовъ, столькихъ размышленій вновь бросаться въ новую жизнь, предаваться на произволъ случайностей и все далѣе отъ успокоенія души и разсудка. *А независимость, которой я былъ такой страстный любитель*, исчезла, можетъ быть, навсегда и какъ ни мило и утѣшительно цѣлить все съ милымъ, воздушнымъ созданіемъ, но это теперь такъ свѣтло и отрадно, а впереди какъ темно, неопредѣленно! Бросьте вашего Транёра и куперову prairie, — мой романъ живой у васъ передъ глазами и во сто кратъ занимательнѣе; главное въ немъ лице—другъ вашъ, неизмѣнный въ своихъ чувствахъ, но въ быту, въ родѣ жизни, въ различныхъ похожденіяхъ не похожъ на себя прежняго, на прошлогодняго, на вчерашняго даже; съ каждою луною со мной сбывается что нибудь, о чемъ не думалъ, не гадалъ».

Тавризъ. 5 декабря.

«Какъ я себя вижу, что не послалъ вамъ написанныхъ этихъ строчекъ три мѣсяца назадъ. Вы бы не сердились на меня, а теперь, вѣрно, разлюбили, и правы. Не хочу оправдываться; Андрей, ты помоги мнѣ умилостивить нашего общаго друга. Хорошо, что вы меня на-сквозь знаете и немного надобно словъ, чтобы согрѣть въ васъ опять тѣ же чувства, ту же любовь, которыя отъ васъ, моихъ милыхъ, нѣжныхъ друзей, я испыталъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, и какъ нѣжно и какъ безкорыстно!»

«Вѣрно сами догадаетесь, неоцѣненная Варвара Семеновна, что я пишу къ вамъ не въ обыкновенномъ положеніи души. Слезы градомъ льются....

«Неужели я для того рожденъ, чтобы всегда заслуживать справедливые упреки за холодность и мнимую притомъ, за невниманіе, эгоизмъ отъ тѣхъ, за которыхъ охотно бы жизнь отдалъ. Александръ нашъ (кн. Одоевскій) что долженъ обо мнѣ думать! И это кроткое, тихое созданіе, которое отдалось теперь на всю мою волю, безъ ропота раздѣляетъ мою ссылку и страдаетъ самою мучительною беременностію. Кто знаетъ: можетъ быть я и ее оставлю, сперва по необходимости, по такъ-называемымъ дѣламъ, на короткое время, но послѣ время продлится, обстоятельства завлекутъ, забудусь, не стану писать.... Что проку, что чувства во мнѣ неизмѣнны, когда видимые поступки

тому противорѣчатъ. Кто повѣритъ! Александръ мнѣ въ эту минуту душу раздираетъ. Сейчасъ пишу къ Паскевичу; коли онъ и теперь ему не поможетъ, провались всѣ его отличія, слава и громъ побѣдъ, все это не стоитъ избавленія отъ гибели одного несчастнаго, и кого же! Боже мой! Пути твои неизслѣдимы!»

«Сказать ли вамъ теперь о моемъ бытѣ? Не занимательно ни для кого, я только чрезвычайно занятъ. Наблюдаю, чтобы отсюда не произошла какая-нибудь предательская мерзость во время нашей схватки съ Турками. Взимаю контрибуцію довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого и не хочу, должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь и меня прозвали *сахтиръ*, coeur dur. Къ намъ перешло до 8,000 армянскихъ семействъ, и я теперь за оставшееся ихъ имущество не имѣю ни днемъ, ни ночью покоя, сохраняю ихъ достояніе и даже доходы; все кое-какъ дѣлается по моему слову. Наконецъ, послѣ тревожнаго дня, вечеромъ уединяюсь въ свой гаремъ; тамъ у меня и сестра, и жена, и дочь, все въ одномъ миломъ личикѣ; разсказываю, натверживаю ей о тѣхъ, кого она еще не знаетъ и должна со временемъ страстно полюбить; вы понимаете, что въ нашихъ разговорахъ имя ваше произносится часто. Полюбите мою Ниночку. Хотите ее знать? Въ Malmaison, въ эрмитажѣ, тотчасъ при входѣ, направо, есть мадонна въ видѣ наступки Murillo, вотъ она. Прощайте, неоцѣненный другъ мой Варв. Семеновна! Не сердитесь, не разлюбите

вѣрнаго вамъ
А. Г.

Грибоѣдовъ оставилъ супругу свою въ Тавризѣ и самъ *не надолго* поѣхалъ въ Тегеранъ, ко двору шаха.

Туча не прошла мимо, а разразилась: 30-го января 1829 года его не стало...

Я не буду описывать подробностей его смерти ни по извѣстіямъ, помѣщеннымъ въ XLVIII томѣ «Annales des voyages» 1830 г., ни по другимъ данным. Скажу одно: онъ не «сдѣлался жертвою своей ошибки», какъ выразился Д. В. Давыдовъ. *Его* ошибки никакой не было. Если была чья-нибудь ошибка, такъ, стало быть, правительства, назначившаго Грибоѣдова полномочнымъ министромъ въ Персію,—и кого-жь скорѣй можно было назначить, какъ не человѣка, который такъ хорошо зналъ и страну, и народъ, и языкъ, жилъ тамъ и дѣло дѣлалъ?...

Подобное выраженіе не только не истинно, но даже не совсѣмъ уважительно въ отношеніи къ человѣку, погибшему мученической, истинно исполненной трагическаго ужаса смертью.

Намъ остается въ заключеніе этой статьи повторить слова, начертанныя надъ его могилой дружескою рукой его вдовы:

Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской.

Д. А. Смирновъ.

27 января 1865 года.